

Тариева Лилия Увайсовна

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НОМИНАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье предпринимается попытка классификации глаголов в зависимости от представления глагольного свойства одним из лиц парадигмы (в данном случае лицом Говорящим), закодированным в качестве магистрального актанта в семантической структуре глагола-предиката, на поверхностном уровне выраженного номинативной формой имени. Лицо Говорящее, представляющее прототипическое свойство речение, размещается в классической прагматической установке.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 164-168. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

11. Современное право Китайской Народной Республики (обзор законодательства 1978-2010 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://istina.msu.ru/media/publications/book/97d/49d/3401367/SV_Pravo_KNR_ch.1_2012..pdf (дата обращения: 08.04.2016).
12. Швейцер А. Д. Социоллингвистика // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Дрофа, 1997. С. 523-525.
13. Широкогоров С. М. Трудности исследования психоментального комплекса // Широкогоровские чтения. Владивосток, 2001. С. 30-33.
14. Широкогоров С. М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений / Кафедра Социологии международных отношений социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2010. 148 с.

**COMPARISON OF ETHNOLINGUISTIC POLICIES OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA – STUDY FROM THE PERSPECTIVE OF SOCIOLINGUISTICS**

Xiao Jing-yu, Doctor in Philosophy, Professor

Yang ke, Doctor in Philology, Professor

Li Yalong

Guangdong University of Foreign Studies, People's Republic of China

xjy11@hotmail.com

The article examines the role of language policy in the preservation and development of language, compares the ethnolinguistic policies of the Russian Federation and the People's Republic of China, and on the basis of this fact the authors note that current social development has not reached the extent yet when it is possible to cancel finally the existing national languages in each of the countries. And for this reason it is required that the arrangement and implementation of language policy should enable different peoples of the Russian Federation and the People's Republic of China to use both the unified official and their national languages.

Key words and phrases: language policies; linguistic status; ethnolinguistic policies; development of language; ethnic culture; ethnopolitical relations; international relations; languages diversity.

УДК 81'367.7

В данной статье предпринимается попытка классификации глаголов в зависимости от представления глагольного свойства одним из лиц парадигмы (в данном случае лицом Говорящим), закодированным в качестве магистрального актанта в семантической структуре глагола-предиката, на поверхностном уровне выраженного номинативной формой имени. Лицо Говорящее, представляющее прототипическое свойство речение, размещается в классической прагматической установке.

Ключевые слова и фразы: изречение; говорение; прототипический; парадигма лиц; лицо Говорящее; лицо Созерцающее; прагматическая установка.

Тариева Лилия Увайсовна, к. филол. н., доцент

Ингушский государственный университет

Tarjeva00@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НОМИНАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ ИНГУШСКОГО ЯЗЫКА

Актуальные в современном лингвистическом учении антропоцентричный и системоцентричный аспекты представления языковых единиц сориентированы на исследование языка как функционирующей системы, в центре которой, на наш взгляд, располагается лицо Говорящее, релевантное для номинативных и эргативных языков, и совмещенное с Говорящим лицо Произносящее, релевантное только для эргативных языков [11].

Среди наиболее значимых семантических классификаций глагольных предикатов, нацеленных на экспозицию квалификативных признаков глаголов [1; 2; 6; 19], при самом общем делении различающих динамические и статические глаголы, наиболее релевантной для нас представляется классификация Ю. Д. Апресяна, сориентированная на деление лексем на предметные, дифференциально толкуемые, и предикатные, исчерпывающе толкуемые [1]. Из предметных лексем наиболее древним и исконным, на наш взгляд, представляется пласт местоименных существительных, экспонированных в ингушском языке в качестве парадигмы лиц (Созерцающее, Говорящее, Слышащее, Произносящее) [8].

Согласно логическому направлению интерпретации семантики глаголов-предикатов [14; 17], в их значении возможно, на наш взгляд, обнаружить «нишу», или, согласно терминологии С. Д. Кацнельсона, «место», «гнездо» [5, с. 88], которое может быть заполнено одним из компонентов парадигмы лиц ингушского языка, функционирующим в качестве магистральной (первой, облигаторной) валентности, в силу претензии каждого из лиц парадигмы (Созерцающего, Говорящего, Слышащего, Произносящего) на статус первого лица.

Предикат является носителем действия и составляет центр высказывания, в котором располагается «глагол, как верхний узел» [13, с. 136]. Глагол способен представлять ситуацию с семантически встроенным в него лицом парадигмы, обуславливающим тип субъекта: речевой, аффективный или другой, без которого глагольное действие замкнуто, мертво, не активировано.

Компоненты парадигмы лиц, претендующие на статус первого лица, «вмонтированные» в семантику различных глаголов-предикатов, дифференцируют глаголы ингушского языка по различным корпусам и представляют на уровне высказывания агентивного субъекта, контролирующего ситуацию.

Два компонента парадигмы лиц (речевые лица: Говорящее и Произносящее) представлены в бинарной прагматической установке ингушского языка. Первая «классическая» прагматическая установка, исторически характерная для данного эргативного языка, сегодня слитно функционирует в номинативной диатезе, представленной на поверхностном уровне субъектом-актантом в номинативной форме (*со* 'я') и глаголом бытия *ва* 'существую, наличествую': *со (NOM) ва* 'я есть, исторически возникшей в результате слияния компонентов классической прагматической ситуации *со в а* 'я мужчина в пространстве', кодирующей лицо **Говорящее** и параметры его размещения: пространственный (*а* 'в пространстве') на раннем этапе индифферентно темпоральному. Лексема *а* 'в пространстве', коррелирующая в ингушском языке с лексемой *ара* 'на улице, в пространстве', синхронно функционирует в ограниченном контексте (например, в поговорке: *е цагла вац, е а вац* 'ни в доме, ни в пространстве' – о нерадивом человеке) (Пример автора статьи – Л. Т.). Темпоральный компонент когнитивно маркируется позже и входит в прагматическую установку как параметр размещения лица Говорящего автономно: *со в а хIанз* 'я мужчина в пространстве теперь' (vs. *со й а хIанз* 'я женщина в пространстве теперь').

Классической прагматической установке (*со в а хIанз* 'я мужчина в пространстве теперь') противопоставлена вторая прагматическая установка ингушского языка, кодирующая лицо **Произносящее**, также синхронно единым словом представленная в ингушском языке, но только не в диатезе, а в дейктической единице – наречии места: *укхаза* 'здесь', исторически возникшем из прагматической установки *у* 'тут', *кх* 'еще', *аз* 'я', *а* 'в пространстве', обнаружению которой способствовало сочинение В. фон Гумбольдта «О родстве наречий места и местоимений в некоторых языках» [3; 4], в которой автор показал, что во многих индоевропейских языках личные местоимения закодированы в составе наречий места. Прагматическая установка (наречие: *укхаза* 'здесь'): *у кх аз а* 'тут еще я в пространстве', как и классическая прагматическая установка, кодирует пространственный параметр размещения лица Произносящего, но дважды (*у* 'тут', т.е. *возле Говорящего* и *а* 'в пространстве') на раннем этапе безотносительно к темпоральному, присоединившемуся автономно позже: *укхаза хIанз* (букв.: *у кх аз а хIанз* 'тут еще я в пространстве теперь').

Исторически первичной функцией лица Говорящего, закодированного в классической прагматической ситуации (*со (NOM) в а хIанз* 'я мужчина в пространстве теперь') как компонента парадигмы лиц ингушского языка, является артикуляционное исполнение речения в целях коммуникации, что типично для языков номинативной и эргативной стратегий. Остенсивная (немая, артикуляционная) направленность передачи информации вполне естественное явление в осуществлении акта коммуникации.

Прототипическая функция артикуляции, исполненная «глубинной» [15; 16] категорией лицом Говорящим, на поверхностно-синтаксическом уровне представленным в ингушском языке номинативной формой падежа, равно как и в номинативных языках (*Со (NOM) лув* 'Я говорю', т.е. *обладаю способностью к речению*), может быть совмещена с акустической функцией лица, исполненной лицом Произносящим, репрезентируемым в эргативных языках другой формой имени – эргативной [12], сравните:

1. *Со (NOM) йистхул* 'Я изрекаю' (единожды);
2. *Со (NOM) лув* 'Я говорю' (не единожды, много);
3. *Аз (ERG) оал* 'Я произношу' (единожды);
4. *Аз (ERG) дувц* 'Я произношу' (не единожды, потоком) (Примеры составлены автором статьи – Л. Т.).

Преддицируемое (преддицируемый компонент; то, что подвергается характеристике) лицу Говорящему *йистхилар* 'изречение' представляет собой видеокادر, сделанный лицом Созерцающим (*Сона (AFF) гу, со (NOM) йистхул* 'Я вижу, что я изрекаю'), экспериенциально (vs. интенционально) запечатлевшим в области перцептивного мышления один акт – *йистхилар* 'изречение', из возможного потока артикуляции *лер* 'говорения' [10].

Артикуляционное представление речения, которое, как правило, но не обязательно, должно быть совмещенным с акустическим наполнением речения, иллокутивно, так как артикуляция направлена на передачу информации, адресатом которой может быть сам говорящий в дистинкции (акте познания) собственного *со* 'эго', осуществляемого в классической прагматической ситуации ингушского языка, кодирующей лицо Говорящее, конгруэнтное личному местоимению первого лица ед. числа (*со* 'эго').

Высказывание, раздельно оформленное с точки зрения артикуляции и акустики, характеризует речевой акт как успешный, так как передача информации состоялась, но не как удачный акт, так как отсутствует совмещение с лицом Произносящим, морфологически представляемым в эргативном ингушском языке другой формой имени (сравните: 1-2 и 3-4 примеры).

Семантически (понятийно) важным в представлении прототипической функции речения, преддицируемого (приписываемого как характерологическое свойство) лицу Говорящему в дистинкции собственного *со* 'эго', является, на наш взгляд, тот факт, что механизм речедеяния обнаруживается интенцией субъекта модуса лицом Созерцающим в рефлексивном режиме интерпретации и экспериенциально отправляется в соответствующую ячейку перцептивного мышления, где и закрепляется визуальной эвиденциальностью (или: засвидетельствованностью в мыслительном пространстве) [Там же]. В то время как механизм произношения обнаруживается субъектом модуса лицом Слышащим, экспериенциально отправляющим аудитивную (акустически воспринимаемую) информацию в континуум перцептивного мышления, где она эвиденциально закрепляется в форме аудитивной «картинки» [11].

По аналогии с первичной (прототипической) функцией (*йистхилар* 'речения', *лер* 'говорения'), преддицируемой лицу Говорящему, ему преддицируются соответственно все репрезентируемые глаголами различные свойства, механизм запуска которых в качестве уже **наличествующего обнаруживается** в прагматической

ситуации: *со в а хIанз 'я мужчина в пространстве теперь'*, Свойства лица подобного *йистхилар 'речению (говорению)'* рода, механизм запуска которых обнаруживается лицом Созерцающим как уже наличествующий в дистинкции собственного **со 'это'** в прагматической ситуации *со в а 'я мужчина в пространстве'*, а не моделируется *укхаза хIанз (здесь и теперь)*, называются постулированными, т.е. данными индивиду априори:

5. *Со (NOM) лув (PRS) 'Я говорю'*.
6. *Со (NOM) кхет (PRS) 'Я понимаю'*.
7. *Со (NOM) воал (PRS) 'Я рождаюсь'*.
8. *Со (NOM) ла (PRS) 'Я умираю'*.
9. *Со (NOM) улл (PRS) 'Я лежу'*.
10. *Со (NOM) зIотт (PRS) 'Я встаю'*.
11. *Со (NOM) тхьовс (PRS) 'Я засыпаю'*.
12. *Со (NOM) вел (PRS) 'Я смеюсь'*.
13. *Со (NOM) велх (PRS) 'Я плачу'*.
14. *Со (NOM) эгI (PRS) 'Я сорюсь'*.
15. *Со (NOM) тов (PRS) 'Я мирюсь'*.
16. *Со (NOM) тхьовс (PRS) 'Я засыпаю'*.
17. *Со (NOM) хьад (PRS) 'Я устремляюсь'*.
18. *Со (NOM) кад (PRS) 'Я излагаю, жалуясь'*.
19. *Со (NOM) вуод (PRS) 'Я иду'*.
20. *Со (NOM) кхер (PRS) 'Я боюсь'*.
21. *Со (NOM) вухь (PRS) 'Я смею'* и др. (Примеры составлены автором статьи – Л. Т.).

Иными словами: свойства глаголов в приведенных иллюстрациях, обнаруженных субъектом модуса в прагматической ситуации *со в а хIанз 'я мужчина в пространстве теперь'* во фрейме интенциональности [10; 11], откладываются в речемыслительной деятельности ингуша в качестве постулированных, т.е. смоделированных априори в другой прагматической ситуации: *со а воацаиш*, т.е. *не здесь и не сейчас* (букв.: 'когда я не в пространстве').

Свойства или качества финитных форм глаголов постулированной семантики в приведенных иллюстрациях (примеры: 5-21) осуществляются, согласно прагматической ситуации, в момент фиксации речевым мышлением механизма запуска того или иного свойства глагола (действия, процесса, состояния), как обнаруживающегося, а не моделирующегося в **а 'пространстве'**, что и закрепляется в речемыслительной деятельности носителя эргативного языка в процессе категоризации глагольных свойств.

В нишу основного компонента лексического значения глаголов постулированной семантики в приведенных иллюстрациях «вмонтировано» лицо Говорящее, в качестве облигаторной валентности, на поверхностном уровне представленное актантом в номинативной форме имени, равным по статусу и релевантности глаголу-предикату, ибо лицо представляет или исполняет наличествующее у речедеятеля какое-либо свойство (примеры: 5-21), например, глагольное свойство – речение, квалифицируемое как прототипическое.

Глаголы в различных языках, с одной стороны, могут содержать в себе экспонент местоименного существительного, как, например, в бацбийском, или семантически содержать в себе одно из лиц парадигмы. Это значит, что в семантическую структуру глагола может быть семантически (понятийно) встроено одно из лиц парадигмы, функционально различающихся между собой, как в ингушском языке.

Ингушские глаголы дифференцированы на отдельные корпуса в зависимости от наличия в их лексическом значении облигаторной валентности на одного из лиц парадигмы (Созерцающего, Говорящего, Слышащего, Произносящего), претендующего на статус первого лица [8; 12].

Личное местоимение первого лица в номинативной форме имени (**со 'я'**), конгруэнтное лицу Говорящему, которому предиктируется прототипическое свойство *йистхилар 'речение' (лер 'говорение')*, дистрибутируется (или: распределяется в потоке речи или в системе языка) в основном компоненте лексического значения (корне) глаголов, представляющих идентичные прототипическому (*лер 'говорению'*) свойства постулированной семантики. «И в этом процессе категоризации положений дел значительная роль принадлежит языку, который в процессе своей эволюции вырабатывает соответствующие конструктивные схемы» [6, с. 8], т.е. в нашем случае номинативные типы предложений (примеры: 5-21), противопоставлены эргативным и аффиктивным типам предложений ингушского языка.

В ингушском языке конструктивная схема с лицом Говорящим в качестве магистрального актанта (**Со (NOM) V (PRS)**) vs. противопоставлена конструктивной схеме с лицом Произносящим, в качестве магистрального актанта, т.е. субъекта высказывания (**Аз (ERG) V (PRS)**). Оба лица (Говорящее и Произносящее) претендуют на статус первого, и оба участвуют в языке в различных прагматических установках:

22. *Со (NOM) йист хул (PRS) 'Я изрекаю' (единожды)*.
 23. *Со (NOM) лув 'Я говорю' (PRS) (поток артикуляционной речи)*.
 24. *Аз (ERG) оал (PRS) 'Я произношу' (единожды)*.
 25. *Аз (ERG) дуvc (PRS) 'Я произношу' (поток озвученной речи)*.
 26. *Аз (ERG) ду (PRS) 'Я делаю' и др.*
- (Примеры составлены автором статьи – Л. Т.)

В новой грамматике испанского языка, например, отмечается, что глагол содержит в себе определенное подлежащее и таким образом соответствует полному типу предложения [18, р. 81].

Постулированные свойства, представление которых лицом Говорящим обнаруживается в прагматической ситуации: *со в а хIанз 'я мужчина в пространстве теперь'*, могут быть сведены в отдельный корпус номинативных

глаголов, так как лицо Говорящее как глубинный (семантический) компонент, инкорпорированный в лексическое значение глаголов, свойства которых не модулируются, а обнаруживаются в классической прагматической ситуации, на поверхностном уровне представлен в ингушском языке актантом в номинативной форме имени. Примарные глаголы ингушского языка, семантически (понятийно) маркированные лицом Говорящим, представляющие постулированное качество, свойство, называются номинативными глаголами.

Номинативные глаголы для эргативного ингушского языка – это глаголы, в основной компонент лексического значения которых инкорпорировано экспонирующее глагольные свойства постулированного знания, лица Говорящего, грамматически представленное именительным падежом (*Co (NOM) 'Я'*).

Таким образом: Лицо Говорящее, названное так согласно его прототипическому свойству *лер 'говорящую'* – это такой участник общения, который является экспонентом и носителем постулированного знания, категориально кумулирующего (накапливающего, усиливающего) свойства глаголов подобного (априорного) рода в отдельный корпус, механизм задействования которых обнаруживается как уже наличествующий в прагматической ситуации: *со в а х1анз 'я мужчина в пространстве теперь'*.

Механизмом обнаружения и эвиденциального закрепления в континууме мышления свойств, данных лицу Говорящему априори, является субъект модуса: лицо Созерцающее (и лицо Слышащее), как кванты хоалу *саг 'homo sensus'*, т.е. 'субъекта восприятия', представленного в ингушском языке [10].

Лицо Говорящее, на которое имеет чувствительность лицо Созерцающее, это такой участник акта коммуникации, у которого, если следовать концепции И. П. Сусова, существует собственное знание мира [7, с. 130], экспонируемое, как нам представляется, в прагматической ситуации: *со в а 'я мужчина в пространстве'*, но приобретенное речедателем в другой прагматической ситуации: *со в а вацаш*, букв.: *когда 'я не в пространстве'*.

Знание, обнаруживаемое в классической прагматической ситуации (*со в а х1анз 'я мужчина в пространстве теперь'*) как уже наличествующее, смоделированное в другой прагматической ситуации, маркируется ингушским речевым мышлением как постулированное, т.е. данное лицу априори, в силу того, что обнаружено и «картировано» визуальным и аудитивным эвиденциалами (аффективными лицами: Созерцающим и Слышащим) в качестве уже смоделированного.

Свойства или качества финитных форм глаголов постулированной семантики в приведенных иллюстрациях (примеры: 5-21) осуществляются, согласно прагматической ситуации: *со в а х1анз 'я мужчина в пространстве теперь'*, в момент фиксации речевым мышлением того или иного свойства глагола (действие, процесс, состояние), как обнаруживающегося, а не моделирующегося в *а 'пространстве'*: на место сегмента в *'мужчина'* может быть вставлено любое другое, обнаруживаемое у лица Говорящего свойство:

Со вод а 'Я бегу в пространстве' (вод + а = вада);

Со кхет а 'Я понимаю в пространстве' (кхет + а = кхета) и другие высказывания, кодирующие только лицо Говорящее и исключающие эргативное (Произносящее) или аффективные (Созерцающее и Слышащее) первые лица.

Высказывание с эргативной формой имени, т.е. с лицом Произносящим (*Аз кхетаду 'Я понимаю'*) в качестве субъекта, отличается от изосемичной конструкции с номинативной формой имени, т.е. с лицом Говорящим в качестве субъекта (*Со кхет 'Я понимаю'*) тем, что эргативная диатеза представляет составным, производным каузативным глаголом постулированное качество (кхета 'понимать'), единожды используемое в конкретной неклассической прагматической ситуации, закодированной синхронно в наречном дейктике *у кх аз а кхетаду* (букв: тут еще я в пространстве «понимание использую»).

Таким образом, в приведенных минимальных высказываниях глаголы-предикаты, представляющие те или иные свойства, которые когнитивно маркируются как обнаруженные в прагматической ситуации *со в а х1анз 'я мужчина в пространстве теперь'*, квалифицируются как свойства глаголов постулированной семантики. Это значит, что механизм их функции уже в готовом виде запускается в прагматической ситуации *со в а х1анз 'я мужчина в пространстве теперь'*, а не моделируется в этой ситуации.

Список литературы

1. **Апресян Ю. Д.** Фундаментальная классификация предикатов // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 75-109.
2. **Булыгина Т. В.** К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7-85.
3. **Гумбольдт В. фон.** Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 398 с.
4. **Гумбольдт В. фон.** Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 451 с.
5. **Кацнельсон С. Д.** Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
6. **Маслов Ю. С.** Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А. В. Бондарко. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
7. **Сусов И. П.** Семиотика и лингвистическая прагматика // Язык, дискурс и личность. Тверь: Изд-во Тверск. ун-та, 1990. С. 125-133.
8. **Тариева Л. У.** Компоненты парадигмы лиц ингушского языка // Вестник Челябинского государственного университета. Челябинск, 2014. Вып. 8. С. 329-337.
9. **Тариева Л. У.** Фрейм интенциональности лица Слышащего // Журнал фундаментальных и прикладных исследований. Гуманитарные исследования. 2014. № 4 (52). С. 24-27.
10. **Тариева Л. У.** Фрейм интенциональности лица Созерцающего // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 8. Т. 3. С. 197-202.
11. **Тариева Л. У.** Функция лица Произносящего, разводящая языки различных стратегий // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2014. № 5 (40). С. 197-200.

12. **Тариева Л. У.** Языковая экспликация взаимоотношений между лицами парадигмы (на материале ингушского языка) // *EuropeanSocialScienceJournal* (Европейский журнал социальных наук). 2014. № 7. Т. 3. С. 311-316.
13. **Теньер Л.** Основы структурного синтаксиса / пер. с франц. редкол.: Г. В. Степанов (пред.) и др.; вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака. М.: Прогресс, 1988. 656 с.
14. **Тетевосов С. Г.** Акциональность: типология и теория // *Вопросы языкознания*. 2005. № 1. С. 108-140.
15. **Филлмор Ч.** Дело о падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. Лингвистическая семантика. С. 369-495.
16. **Филлмор Ч.** Дело о падеже открывается вновь // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1981. Вып. X. Лингвистическая семантика. С. 496-530.
17. **Холодович А. А.** Проблемы грамматической теории. Л.: Наука, 1979. 302 с.
18. **Esbozo de una nueva gramática de la lengua española de Real Academia Española.** Madrid: S. A. Espasa-Calpe, 1996. 592 p.
19. **Vendler Z.** *Linguistics in Philosophy*. Ithaca – N. Y.: Cornell Univ. Press, 1967. 203 p.

REPRESENTATION OF NOMINATIVE VERBS IN THE INGUSH LANGUAGE

Tarieva Liliya Uvajsovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ingush State University
Tarieva00@mail.ru

This article attempts to classify verbs according to the representation of the verbal property by one of the persons of the paradigm (in this context, the Speaking person), encoded as the main actant in the semantic structure of the verb-predicate, expressed at the surface level by the nominative form of the name. The Talking person represents the prototypical property, utterance, and is placed in the classical pragmatic position.

Key words and phrases: utterance; speaking; prototypical; paradigm of persons; Talking face; Contemplating face; pragmatic position.

УДК 811.512.153

В данной статье была предпринята попытка выявления и анализа лексических единиц, служащих для выражения одной из основных категорий (наряду с категорией пространства) – категории времени в хакасском языке. Проведенный анализ приводит к выводу, что хакасский язык обладает богатой системой темпоральных лексических единиц со значением суточных отрезков времени. Выявленные единицы представлены именами существительными, прилагательными, наречиями, фразеологизмами, свободными сочетаниями.

Ключевые слова и фразы: категория времени; лексические единицы; суточный цикл времени; фразеологизмы; свободные сочетания; хакасский язык.

Чугунекова Алена Николаевна, к. филол. н., доцент
Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан
Chugunekowa@yandex.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ

Время является одной из важных составляющих жизни и сознания человека. Общеизвестны линейная и циклическая системы отсчета времени. В хакасском языке находят отражение обе системы.

Основной целью данной статьи является выявление лексических единиц, характеризующих циклическое время, а именно суточный цикл. Год и сутки – явления природные, «сознание и язык только фиксируют и обозначают его, но дальнейшее, более дробное членение суток, как и года, уже зависимо от человеческого сознания и отражающего его языка» [7, с. 17].

Материалом для исследования послужила сплошная выборка примеров из художественных произведений хакасских писателей и поэтов. Перевод примеров с хакасского языка на русский язык выполнен автором статьи.

Анализ начнем с рассмотрения единиц лексического уровня, выражающих утреннее время.

Утреннее время

Как показывает привлеченный к исследованию материал, утреннее время в хакасском языке представлено именами существительными, прилагательными, наречиями и фразеологическими сочетаниями.

Имена существительные, выражающие утреннее время: *таң* ‘заря, рассвет’, *таң чарии* ‘утренняя заря’ [8, с. 589]; *иртен/иртенгизи* ‘утро’ [Там же, с. 134].

Обозначение начала рассвета (т.е. до восхода солнца) представлено лексемами *таң* ‘заря, рассвет’, *таң чарии* ‘утренняя заря’.

Таң ‘заря, рассвет’ (*таң чарыпча* ‘светает, заря занимается’, *таң хазарча* ‘светает, заря занялась’, *таң көгерче* ‘светает’, *таң кизерче* ‘светает’) [Там же, с. 589]: